

ни слова не сказано также о том, что с XIII в. Тува несколько веков находилась под властью монголов.

Досадно, что к работе приложена только одна карта, которая к тому же не может удовлетворить читателя: упоминаемые в работе многочисленные реки, горные хребты и озера, о которых особенно подробно говорится во второй главе, на этой карте не нанесены.

В работе часто приводятся тувинские термины без перевода (например, названия разных видов коллективных охот — стр. 46—47, разных способов лова — стр. 55—56 и т. д.). Из бытующих у тоджинцев двух видов лыж (стр. 30, 43) почему-то описаны только лыжи, подшитые камусами. Неоправданным представляется привлечение в главе «Хозяйство» данных по годовому хозяйственному циклу только у оленеводов, аналогичные данные для тоджинцев-скотоводов отсутствуют. Хотелось бы, чтобы при описании жилища автор проследил его связь с климатом и рельефом местности, с хозяйственной деятельностью населения, тут же можно было хотя бы кратко сказать о планировке «селений» (на стр. 130 говорится, что встречались аалы, состоявшие из 10—15 чумов).

В главе «Социальные отношения» автор вполне обоснованно уделяет большое внимание социальному расслоению тоджинцев. Думается, однако, что описывать только взаимоотношения и положение баев и бедняков — не совсем правильно; рядовой массе аратов в работе посвящена буквально одна фраза.

В разделе «Семейные отношения», очень интересном по новизне материалов, обнаруживается следующее противоречие: на стр. 141 говорится, что в среднем каждая семья имела четырех — шестерых детей, а на стр. 130 приводятся статистические данные, из которых явствует, что семья тоджинцев в среднем состояла из четырех человек.

В разделе «Устное народное творчество» автору следовало объяснить отсутствие у тоджинцев эпического жанра, столь широко распространенного у тувинцев других районов; ведь на стр. 152 автор пишет, что взаимное общение приводило к проникновению в фольклор тоджинцев даже элементов бурятского, монгольского, тофаларского народного творчества.

В прекрасно написанной главе «Религиозные верования» встречаются неясности. Так, на стр. 174 говорится об обиталище «хозяина тайги», а о самом образе этого духа не сказано. Не раскрыты представления тоджинцев о «хозяине горы», не описаны верования, связанные с обрядами похорон и поминков.

Читателю было бы интересно узнать, что с 1957 года работает Тувинская комплексная этнографо-археологическая экспедиция Института этнографии АН СССР, которая проводит работы и в Тодже. В 1960 году вышел первый том Трудов этой экспедиции. Сам автор является ее участником.

Приведенные критические замечания касаются отдельных конкретных вопросов. Общий уровень работы нам представляется очень высоким; она, несомненно, вызовет интерес у специалистов различных отраслей исторической науки, а также и у более широких кругов читателей.

А. Смоляк

В. А. Юзвенко. *Українська народна поетична творчість у польській фольклористиці XIX ст.* Київ, 1961, 131 стр.

Изучение польско-украинских фольклористических связей представляет большой научный интерес, так как позволяет осветить одну из страниц многогранных взаимосвязей двух братских славянских народов, выявить для науки много ценных материалов. Известно, что значительная часть украинских земель на протяжении длительного времени входила в состав Польского государства. Польские ученые различных взглядов и политических убеждений неоднократно обращались к украинскому фольклору: собирали, изучали и публиковали его произведения. В польских сборниках, периодических и повременных изданиях, а также в архивах находится значительное количество иногда уникальных произведений украинского народно-поэтического творчества.

Много ценных наблюдений над украинской народной поэзией содержится в ряде исследований польских ученых. В. А. Юзвенко впервые в своей книге «Украинское народное поэтическое творчество в польской фольклористике XIX в.» поставила задачу собрать и систематизировать материал, внимательно изучить и дать правильную оценку той огромной работе, которая была проделана польскими учеными XIX в. в деле собирания, популяризации и исследования украинской народной поэзии.

Работы польских фольклористов по украинской народной поэзии В. А. Юзвенко рассматривает на общем фоне развития польской фольклористики, обусловленного ростом национального самосознания польского народа и подъемом революционного движения в Польше.

В. А. Юзвенко высказала совершенно правильную мысль о том, что фольклористика каждой славянской страны в той или иной степени влияла на развитие фольклористики всех славянских стран, но подобное взаимовлияние не вело к нивелированию национальной специфики этих исследований.

В. А. Юзенко пишет, что «русская, украинская, чешская, сербская или польская фольклористика — явления совершенно самобытные и оригинальные, которые сложились и созрели на почве собственной истории и имеют глубокие национальные корни» (стр. 3). Это общее положение, высказанное во введении, затем конкретизируется и раскрывается в основных разделах книги.

Книга состоит из трех разделов: «Украинская народная словесность и польские фольклористические интересы первой трети XIX в.», «Польские фольклористы 30—50-х годов XIX в. — собиратели и исследователи украинского народно-поэтического творчества», «Поэтическое творчество украинского народа в польской фольклористике 60—90-х годов XIX в.»

Характеризуя начальный период развития польской фольклористики, В. А. Юзенко подробно говорит о роли, которую сыграли декабристы в укреплении украинско-польских культурных связей. Глубокий интерес к польской культуре и литературе выказал К. Ф. Рылеев, который в определенной степени под влиянием «Исторических песен» Ю. Немецвича начал работать над своими историческими думами. Лучшие представители польского народа в свою очередь проявляли живой интерес к творчеству Рылеева. В. А. Юзенко указывает на то, что Грабовский очень высоко оценил «Думы» Рылеева (стр. 26), а неизвестный переводчик перевел их на польский язык и в 1829 г. они были изданы в Вильно. Появление книги декабриста после 1825 г., как справедливо отмечает В. А. Юзенко, — выдающееся явление не только для польской, но и для русской литературы. Отмеченные факты говорят о том, что «представители прогрессивной польской культуры разделяли взгляды декабристов в вопросе о роли и месте литературы в общественной жизни» (стр. 26).

Характерно, что одновременно или почти одновременно с декабристами черпают свое творческое вдохновение из украинского народного творчества — прежде всего из героического эпоса украинского народа — такие представители «украинско-польской» школы романтиков, как Б. Залесский, А. Мальчевский, С. Гошинский, М. Грабовский, М. Чайковский, Т. Падура и др. (стр. 27).

Известный польский демократ Т. Кремповецкий в речи на торжественном собрании в Париже, посвященной второй годовщине восстания 1830—1831 гг., отметил социальное звучание украинских народных песен и указал на выраженное в них свободолюбие. Одновременно он говорил о том, что эти песни, воспоминания воодушевили Рылея (стр. 49).

В двух последующих разделах исследования В. А. Юзенко останавливается на той роли, которую сыграли в укреплении польско-украинских и русских связей и в развитии польской фольклористики Пушкин, Белинский, Чернышевский, Герцен и особенно Иван Франко, который был непосредственно связан с рядом польских журналов, о чем обстоятельно говорится на стр. 118, 120 и др.

Убедительно показав значительную роль, которую сыграли прогрессивные деятели России и Украины в развитии польской науки о фольклоре, В. А. Юзенко выявляет и то ценное и оригинальное, что внесли в науку замечательные польские фольклористы. Она характеризует научную деятельность ряда польских ученых, начиная от И. Червинского (1769—1834), Зориана Доленга-Ходаковского (1784—1825) и кончая известным польским ученым — славистом Яном Карловичем (1836—1903). Автор рецензируемой книги старается показать, что нового в развитии польской фольклористики внес тот или иной исследователь, охарактеризовать его мировоззрение, отметить достоинства и недостатки его работы. Основное внимание В. А. Юзенко уделяла научной деятельности тех польских ученых, которые собирали, изучали и публиковали украинский фольклор: Ходаковского, записавшего в начале XIX в. 1254 песни в Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской губерниях, а также в некоторых районах Западной Украины; К. Бродзинского, М. Грабовского, В. Залесского, видевшего в народной поэзии «первооснову развития национальной литературы и один из ее элементов», по его определению, «наиболее важный — народность» (стр. 53); К. Войцицкого, Ж. Паули и других фольклористов первой половины XIX в.

В польской фольклористике второй половины XIX в. особое внимание исследователи привлекала неутомимая деятельность Оскара Кольберга (1814—1890). Этот замечательный ученый издал 39 томов собранного им материала. Кроме того, осталось неопубликованным большое рукописное наследие, которое могло бы составить еще 8—10 томов. О Кольберге требовал точности записей и неперменной фиксации тех условий, в которых бытует народное произведение (стр. 89).

Особенно подробно В. А. Юзенко остановилась на четырехтомном издании «Рокисіе», в котором опубликовано большое количество произведений украинской народной поэзии (стр. 92—97), а также указала на наличие произведений украинского фольклора в сборниках «Wolyn», «Chełmskie», «Przemyskie» и др.

В заключительном разделе рецензируемой книги получила также научную оценку собирательская, исследовательская и популяризаторская деятельность в области украинского фольклора Ю. Мошинского, Е. Руликовского, Ч. Неймана, И. Коперницкого, Яна Карловича и других польских фольклористов.

В книге отмечена также роль, которую сыграли в развитии польской науки о фольклоре и в изучении украинской народной поэзии Виленский и Варшавский университеты, Антропологическая комиссия Краковской Академии наук, Towarzystwo ludoznawcze, которым руководили деятели польской и украинской науки, и другие научные центры и высшие учебные заведения.

В целом рецензируемая книга производит хорошее впечатление. Исследование написано на большом фактическом материале. Основные выводы автора и его полемика с другими исследователями представляются убедительными и не вызывают возражений.

Недостатком книги является некоторая описательность той ее части, где автор говорит о теоретических исследованиях польских ученых по украинскому фольклору. Особенно наглядно видно это на характеристике теоретических трудов Ч. Неймана, которая занимает всего четырнадцать строк (стр. 104). Нам представляется также, что В. А. Юзенко недостаточно внимания уделила характеристике рукописных собраний украинского фольклора, которая внесла бы существенный вклад в науку об украинской народной поэзии. Так, на стр. 67 автор пишет, что «Паули оставил большое рукописное наследство, изучение которого помогло бы прочесть интересную страницу польско-украинских культурных взаимосвязей и, в частности, конкретнее определить роль Паули в укреплении фольклористических связей двух братских народов». Однако в книге не дано не только описания, хотя бы самого поверхностного, этого наследия, но даже не указано, где оно хранится. То же можно сказать о рукописном наследии Оскара Кольберга (стр. 82). Отсутствует и указание на рукописный сборник Кондрацкого, в котором акад. М. Возняк обнаружил думу о казаке Нетяге (Голоте) в записи конца XVII в. Стремясь нарисовать общую картину развития польской фольклористики и охарактеризовать наиболее значительные исследования и публикации украинского фольклора в польской печати, автор не коснулся довольно большого количества статей и публикаций, которые были напечатаны в различных журналах и газетах. Правда иногда в книге правильно указано на то, что некоторые из этих статей и публикаций «не вносят определенного качественного изменения в науку о фольклоре» (стр. 76). Однако многие из них представляют интерес с точки зрения выяснения польско-украинских фольклористических связей, и их надо было бы перечислить в приложенной к книге библиографии. Это значительно расширило бы наше представление об интересе польского народа к украинскому фольклору.

Нельзя считать недостатком, как это делает автор, публикацию произведений украинской народной поэзии в польской печати в переводе на польский язык, так как это способствовало ознакомлению с украинским фольклором более широкого круга польских читателей. Автор же к оценке той или иной публикации подходит иногда только с точки зрения ее интереса для украинского читателя. На стр. 75, например, при характеристике монографии А. Новосельского «*Lud ukraiński*» В. А. Юзенко пишет: «К сожалению, сказки, предания и легенды составитель дал в польском переводе». Аналогично высказывание на стр. 103 о публикации Е. Руликовского.

Книга В. А. Юзенко «Українська народна поетична творчість у польській фольклористіці XIX ст.» — первое большое исследование советского ученого о польско-украинских фольклористических связях. Она восполняет существенный пробел украинской фольклористики. Вместе с тем в дальнейшем исследование может быть углублено и расширено за счет привлечения тех материалов, которые по тем или иным причинам остались вне поля зрения автора.

Б. Кирдан

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Българско народно творчество в дванадесет тома, тт. I—IV, Изд-во «Български писател», София, 1961. Т. I — «Юнашки песни. Отбрал и редактирал Иван Бурин»; т. II — «Хайдушки песни. Отбрал и редактирал Димитър Осинин»; т. III — «Исторически песни. Отбрал и редактирал Хр. Вакарелски»; т. IV — «Митически песни. Отбрал и редактирал Михаил Арнаудов».

Болгарская фольклористика располагает огромным фондом записей и публикаций произведений народного поэтического творчества. Еще в недавнее время предпринимались значительные по своим результатам опыты создания на основе этого замечательного фонда антологий, посвященных отдельным жанрам и тематическим циклам болгарского фольклора¹.

¹ Ценные антологии представляют, например, следующие издания, вышедшие в Софии: М. Арнаудов, *Български народни песни*, тт. I—III, два издания; Б. Ангелов и Хр. Вакарелски, *Сенки из невиделица*, 1936; «Трем на българската народна историческа епика», 1939; «Книга на народната лирика», 1946; Г. Керемедчиев, *За правда и за свобода*, 1947; «Български народни песни», 1948; Д. Осинин и И. Бурин, «Горе ле, майко хайдушка», 1953; Ц.в. Минков, «Мене ме, мамо, змей люби», 1956, и др.